

ИЗМЕНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНЕ

А.В. Фетюков, *s.fet94@rambler.ru*

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение в динамике особенностей профессионально-отраслевой структуры занятости молодежи (на примере Вологодской области). В качестве гипотезы исследования автор выдвинул предположение, что возможные изменения в профессионально-отраслевой структуре занятости молодежи будут отличаться от аналогичных изменений среди «зрелого населения», и эти изменения будут детерминированы компетентностными факторами. Основным методом исследования – анализ статистических показателей, позволивший сделать вывод, как изменилась структура занятости молодежи в сравнении с категорией «зрелого населения» и определить факторы, повлиявшие на данные изменения. Информационную базу исследования составили данные федеральной и региональной статистики. В соответствии с проверяемой гипотезой автором выявлено, что за рассматриваемый период 2017–2024 гг. в Вологодской области снизилась представленность молодежи в наиболее квалифицированных профессиональных группах, таких как руководители и специалисты высшей квалификации, при этом увеличилась представленность в менее квалифицированных профессиональных группах, таких как специалисты по подготовке информации, оформлению документации, учету и обслуживанию. В отраслевой структуре занятости за аналогичный период произошло перераспределение молодежи из сферы промышленности и строительства (несмотря на повышение заработной платы в данных отраслях) в сферу транспортировки и сферу других услуг. Одной из причин, по мнению автора, является несоответствие требований работодателя и подготовки молодежи после окончания обучения, что приводит эту группу населения к затруднениям с поиском подходящей работы, выталкиванию ее в сторону безработицы и занятий с более низким уровнем квалификации, что обуславливает изменения в профессиональной и отраслевой структуре занятости молодежи. На основе результатов возможна разработка органами региональной исполнительной власти мер для более полного использования человеческого капитала молодежи.

Ключевые слова: занятость молодежи; компетенции; молодые специалисты; трансформация рынка труда

Для цитирования: Фетюков А.В. Изменение профессионально-отраслевой структуры занятости молодежи в регионе // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2026. Т. 20, № 1. С. 54–65. DOI: 10.14529/em260105

Original article
DOI: 10.14529/em260105

CHANGE IN THE PROFESSIONAL AND INDUSTRIAL STRUCTURE OF YOUTH EMPLOYMENT IN THE REGION

A.V. Fetyukov, *s.fet94@rambler.ru*

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

Abstract. This article examines the transformation of the labor market and employment in the context of professional competencies matching job requirements, using the Vologda region as an example. The author's research hypothesis is that potential changes in the professional and sectoral structure of youth employment will differ from those of the “mature population”, and these changes will be determined by competence factors. The primary research method is the analysis of statistical indicators, which allowed concluding how the structure of youth employment has changed compared to that of the “mature population” category,

and identifying the factors influencing these changes. The information base for the research consisted of federal and regional statistical data. Based on the tested hypothesis, the author found that over the period from 2017 to 2024, there was a decrease in the representation of young people in the most qualified professional groups, such as managers and highly qualified specialists, in the Vologda region. At the same time, their representation increased in less qualified professional groups, such as information generation, documentation, accounting, and service specialists. The sectoral structure of employment over the same period was characterized by a redistribution of young people from industry and construction (despite rising wages in these sectors) to transportation and other services. The author suggests that this is due to a mismatch between employer requirements and the training offered to young people upon graduation. This makes it difficult for this population group to find suitable employment, pushing them towards unemployment and lower-skill jobs, and thus leading to changes in the professional and sectoral structure of youth employment. Regional executive authorities can use these findings to develop measures to better utilize the human capital of young people.

Keywords: youth employment; competencies; young professionals; labor market transformation

For citation: Fetyukov A.V. Change in the professional and industrial structure of youth employment in the region. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, 2026, vol. 20, no. 1, pp. 54–65. (In Russ.). DOI: 10.14529/em260105

Введение

Сложившаяся на сегодня экономическая ситуация актуализирует вопросы, связанные с человеческим капиталом, поскольку в народном хозяйстве сформирован высокий спрос на квалифицированные кадры. Решающее значение при найме работника приобретают не символические характеристики (наличие диплома, уровень образования, отзывы преподавателей), а соответствие требованиям работодателя и заявленной квалификации, проверяемым на практике. Внедрение новых технологий приведет в ближайшие годы к изменению бизнес-задач, рабочих мест и востребованных профессиональных компетенций, что потребует, согласно докладу Всемирного экономического форума, дополнительного образования для 40–70 % работников во всем мире¹. В нашей стране, помимо внедрения цифровых технологий, свой вклад вносят геополитические вызовы, которые вынуждают отечественные предприятия искать замену импортным технологиям и компетенциям (Лукин, Ускова, 2022). В свою очередь, увеличиваются потребности в квалифицированных специалистах во всех отраслях – на производстве, в науке, образовании, а также на уровне страны и регионов. Проблема является болезненной для Вологодской области как региона с экспортной специализацией, интегрированного в мировую экономику (Зубаревич, 2022). По мнению ученых,

для преодоления дефицита кадров требуются «не только значительные капиталовложения в инновационную инфраструктуру, но и стимулирование творческого труда как в элитном, так и в массовом сегменте занятости; предоставление работникам возможности использовать профессиональные и иные компетенции как ресурс для развития инновационных производств и перспективных проектов, профессионального роста» (Бочаров, Климова, 2023, с. 3). По оценкам зарубежных экспертов, в период 2025–2030 будет расти потребность в специалистах, чья работа связана с цифровыми технологиями: обучение искусственного интеллекта, управление технологиями удаленного управления объектами (беспилотный авиа- и автотранспорт, «умные» дома и производства), разработка широкого спектра программного обеспечения, профессии, связанные с дата-сайенс, хранением и безопасностью данных и т. д.². В связи с этим будет особо востребован человеческий капитал молодых специалистов, и одновременно с этим можно ожидать уменьшения спроса на административных работников, специалистов, занятых выполнением типовых задач и рутинных обязанностей, таких как работники почты, банковского сектора и сферы услуг по причине замещения их обязанностями решениями на основе автоматизации, цифровизации и искусственного интеллекта. Таким образом, актуализируется интерес к профессиональной и отраслевой структуре экономики и месте молодежи в ней, особенно на региональном уровне.

Целью исследования является изучение того, как изменялась профессионально-отраслевая струк-

¹ По мнению работодателей к 2025 году более 70 % работников должны будут пройти переквалификацию, но готовы к этому только 42 % работников // <https://www.connect-wit.ru/po-mneniyu-rabotodatelej-k-2025-godu-bolee-70-rabotnikov-dolzhny-budut-projti-perekvalifikatsiyu-no-gotovy-k-etomu-tolko-42-rabotnikov.html> (дата обращения: 12.06.2025). The Future of Jobs. Report 2020. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf (дата обращения: 12.06.2025)

² Future of Jobs Report 2025: insight report January 2025. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_Report_2025.pdf (дата обращения: 12.06.2025).

тура молодежи в Вологодской области. Для ее достижения был проанализирован ряд статистических показателей, позволяющих оценить трансформацию регионального рынка труда в контексте соответствия профессиональных компетенций молодежи требованиям рабочих мест. Теоретическую и методологическую базу исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых и экспертов. Информационную базу составляют данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), ее территориального органа (Вологдастат), а также рекрутингового агентства “HeadHunter” (hh.ru).

Теория и методы

В экономической науке уделяется достаточно внимания анализу вопросов, связанных с профессионально-отраслевой структурой населения и различными аспектам его занятости. Общие закономерности пространственного развития экономики и взаимосвязанных с ней элементов можно проследить в работах А.Г. Гранберга (Гранберг, 2007). Благодаря современным работам российских авторов мы знаем, что профессионально-отраслевая структура российского общества неоднократно менялась на протяжении длительного периода (Кашепов, 2024). На ее изменение в первую очередь оказывали влияние факторы технологического характера (Одегов, Павлова, 2017). Помимо технологических факторов, занятость населения испытывает на себе действие процессов цифровизации, отражающихся на повышении спроса на специалистов ИТ и ИТР (Пименова, 2020). Также существует необходимость адаптации к действующему санкционному режиму (Былков, 2022; Ахапкин, 2023). Эти факторы проявляются и на региональном уровне, где они могут воздействовать дифференцированно в зависимости от экономической специализации региона. Только набором данных факторов не исчерпывается влияние на рынок труда и занятости региона, но мы назовем их в качестве одних из основных. Ими обуславливается трансформация рынка труда и занятости в регионе и, как следствие, происходящие изменения в профессионально-отраслевой структуре общества. Например, закрытие предприятий под влиянием санкций может привести к оттоку квалифицированного персонала в другие отрасли экономики. И наоборот, если предприятие от этих же самых санкций получает весомые стимулы для развития (например, перестраивая производственные цепочки на основе разработки собственных технологий или реинжиниринга импортных), то оно становится более заинтересованным в высококвалифицированной рабочей силе. В свою очередь, получая сигналы от рынка труда, население как рабочая сила может изменить свои трудовые предпочтения. В ближайшем будущем основными драйверами роста ВВП и ВРП станут «расширение внешнеэкономического взаимодействия с перспек-

тивными партнерами из дружественных государств и развитие необходимых для такого сотрудничества инфраструктур, в т. ч. транспортной и платежной; укрепление технологического суверенитета; обеспечение финансового суверенитета; опережающее развитие транспортной, коммунальной и социальной инфраструктур; повышение благосостояния граждан»³. Поэтому государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение, финансовая и страховая деятельность, транспортировка и хранение, строительство, а также обрабатывающие производства, прямо или опосредованно связанные с функционированием военно-промышленного комплекса, будут отраслями народного хозяйства, занятость в которых в ближайшие годы будет увеличиваться (Ахапкин, 2023; Кашепов, 2024; Попов, Соловьева, 2023). В связи с этим важное значение приобретает занятость молодежи. Вместе с тем в научной литературе представлено не так много работ, которые бы рассматривали изменение профессионально-отраслевой структуры молодежи в разрезе компетентностных факторов. Сегодня созданы условия, способствующие росту сектора услуг, не требующих профильного образования (платформенной занятости, услуг транспортировки и хранения), а также креативных индустрий. В то же время возникающие проблемы с воспроизводством высококвалифицированных кадров уже побуждают промышленные организации вкладывать значительные ресурсы в поиск и собственное обучение молодежи необходимым компетенциям, поскольку возможности высшего образования отстают от потребностей производства (Горин, 2024), а в последние годы наблюдается рост заработных плат в секторе обрабатывающих производств, усиливая его привлекательность для молодых работников⁴.

Основной гипотезой исследования является предположение, что возможные изменения в профессионально-отраслевой структуре занятости молодежи будут отличаться от аналогичных изменений среди «зрелого населения», и эти изменения будут детерминированы компетентностными факторами.

В большинстве работ ученых рассматривается система общепринятых показателей, отражающих

³ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. М.: Министерство экономического развития. С. 10. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/310e9066d0eb87e73dd0525ef6d4191e/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2024-2026.pdf (дата обращения: 12.06.2025).

⁴ Пост заработной платы в промышленности достиг 15,8 %. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8119076> (дата обращения: 01.11.2025).

во взаимосвязи трансформацию рынка труда и занятости, таких как миграционные процессы, средний уровень доходов населения, количество предприятий и организаций, количество занятых и безработных, соотношение официально зарегистрированных безработных и занятых и, как следствие, изменение структуры совокупной рабочей силы в регионе (Царенко, 2023a; Царенко, 2023b; Бухтаяров и др., 2008; Гуськова, 2010; Акопян, 2013; Зубаревич, 2022). В литературе также рассматриваются качественные аспекты занятости различных групп населения, включая молодежь (Рожков, Костюченко, 2025; Дружинина, 2023; Леонидова, Соловьева и др., 2025). Однако в большинстве работ внимание авторов сконцентрировано на кросс-страновых сравнениях, на исследованиях в масштабах одной страны или по всей совокупности населения. Подобных методологических предпочтений не лишены и работы зарубежных исследователей, в которых упор также делается на характере занятости и трудовых траекториях молодежи при транзите от учебы к работе (Andabayeva et al., 2024; Gschwendt, 2022; Biney, 2023; Pastore, 2015; Hossain et al, 2015; Awotunde, Aregbeshola, 2025; Buchs, Helbling, 2016).

Существующие пробелы в изучении молодежной занятости определены тем, что изучение особенностей занятости молодежи и, в частности, её профессионально-отраслевой структуры, в субъектах остается весьма непростой задачей. На это влияют ограниченный доступ к подробным статистическим данным и узкий временной диапазон у доступных динамических рядов, что приводит к необходимости обращаться к результатам социологических опросов, что налагает дополнительные издержки по их подготовке и проведению, либо поиску релевантных баз данных в открытом доступе. Накопленные объемы статистических данных по профессиональной и отраслевой структуре Вологодской области сегодня позволяют восполнить пробелы в изучении занятости молодежи. Авторская позиция состоит в том, что процессы перераспределения молодых работников в сторону занятости определенного квалификационного уровня и в определенной отрасли могут свидетельствовать о влиянии не только сугубо экономических и демографических, но и компетентностных факторов.

В рамках данной статьи были применены общенаучные методы, анализ научной литературы и статистических данных. Период исследования задан рамками 2017–2024 гг. (если не указано иное) и обусловлен наличием доступных данных. Среди занятого населения для исследования нами были выделены 2 возрастные группы – молодежь (15–29 лет) и зрелое население (30 лет и старше), что связано с особенностями регионального статистического учета. В рамках исследования Вологодская область представляет интерес в связи с тем, что

этот регион интегрирован в мировую экономику как регион, специализирующийся на экспорте, с более развитым уровнем душевого ВРП, и одновременно с этим как регион, имеющий на своей территории крупные города с модернизированными машиностроительными и другими предприятиями, связанными с глобальными поставщиками оборудования и комплектующих (Зубаревич, 2022).

Результаты и обсуждение

Анализ изменения численности молодежи в период 2017–2024 гг. позволяет увидеть снижение ее удельного веса в численности населения и рабочей силы (табл. 1). В 2024 г. молодежь в возрасте 15–35 лет занимала примерно 1/5 общей численности населения страны, 1/3 от общей численности экономически активного населения страны и почти половину от всех безработных.

В период 2017–2024 гг. произошло заметное изменение профессионально-отраслевой структуры занятости молодежи. Стало меньше квалифицированных рабочих промышленности и сельского хозяйства, работников жилищно-коммунальной сферы и сферы торговли, а также работников, занятых подготовкой информации и оформлением документации, руководителей. Среди групп зрелого населения перераспределение занятости также происходило за счет сокращения занятости в данных группах (табл. 2). Однако обращает внимания динамика перераспределения. В структуре занятой молодежи заметно сильнее уменьшилась доля руководителей и квалифицированных рабочих, работников сельского хозяйства.

Более детальный анализ изменения профессиональной структуры молодежи также показывает снижение ее доли во многих группах занятий. В период 2017–2024 гг. стало значительно меньше молодежи среди руководителей учреждений (–60,0 %), квалифицированных промышленных рабочих (–43,5 %) и операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин (–17,9 %). Уменьшилась доля молодежи среди специалистов высшей квалификации (–24,3 %), в то время как специалистов средней квалификации стало больше на 2,2 % и это единственная профессиональная группа, в которой молодежь нарастила свои позиции (табл. 3).

Сокращение молодежи среди руководящих работников, специалистов с высшим и средним профессиональным образованием (ВО и СПО), квалифицированных рабочих в структуре занятости может свидетельствовать о проблемах с кадровым обеспечением сферы материального и нематериального производства. На наш взгляд, сокращение доли молодежи внутри профессиональных групп не объясняется только действием демографических и миграционных процессов, поскольку сокращение происходило неравномерно, в отдельные годы за рассматриваемый период доля молодых

Таблица 1

Доля молодежи в возрасте 15–35 лет/экономически активного населения 15–35 лет/безработных 15–35 лет от общей численности населения в Вологодской области, %

Год	Доля молодежи 15–35 лет	Доля населения 15–35 лет в составе рабочей силы	Доля населения 15–35 лет в составе безработных
2017	24,2	36,7	42,9
2018	23,5	35,7	36,2
2019	22,9	35,4	47,4
2020	22,7	32,8	46,8
2021	22,4	31,7	43,8
2022	21,2	31,4	38,2
2023	20,1	29,8	41,2
2024	–	28,6	42,6

Источник: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения 16.12.2025); Рабочая сила, занятость и безработица в России. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211_13284 (дата обращения 16.12.2025).

Таблица 2

Динамика изменения численности занятого населения, по группам занятий и по возрастным группам, 2017–2024 годы, %

Группы занятости	Молодежь		2024 к 2017	Зрелое население		2024 к 2017
	2017	2024		2017	2024	
Руководители учреждений, организаций и их структурных подразделений	2,1	1,2	–42,9	6,3	5,6	–11,1
Специалисты высшего уровня квалификации	15,9	17,3	+8,8	16,6	17,8	+7,2
Специалисты среднего уровня квалификации	11,5	17,0	+47,8	11,4	12,5	9,6
Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	3,5	3,1	–11,4	3,0	4,2	+40,0
Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	23,5	20,9	–11,1	15,7	16,3	+3,8
Квалифицированные работники сельского лесного, охотничьего хозяйства, рыболовства и рыболовства	1,5	0,6	–60,0	2,0	1,4	–30,0
Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи	18,4	15,0	–18,5	16,1	15,1	–1,1
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	13,9	16,5	+18,7	17,5	18,3	+0,8
Неквалифицированные рабочие	9,6	8,2	–14,6	11,4	9,0	–2,4
Всего	100	100	–	100	100	–

Источник: рассчитано автором на основе: Труд и занятость в Вологодской области в 2013–2017 годах: стат. сб. Вологда, 2018. С. 32; Труд и занятость в Вологодской области в 2020–2024 годах: стат. сб. Вологда, 2025. С. 34.

Таблица 3

Динамика изменения доли занятой молодежи внутри групп занятий по отношению ко всей занятой молодежи, 2014–2024 годы, %

Группа занятий	Молодежь, 2024 к 2017	Зрелое население, 2024 к 2017
Руководители учреждений, организаций и их структурных подразделений	–60,0	–8,4
Специалисты высшего уровня квалификации	–24,3	+9,5
Специалисты среднего уровня квалификации	+2,2	+11,0
Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	–39,0	+41,2
Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	–38,1	+5,5
Квалифицированные работники сельского лесного, охотничьего хозяйства, рыбоводства и рыболовства	–72,2	–26,7
Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи	–43,5	–5,1
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	–17,9	+6,4
Неквалифицированные рабочие	–41,1	–19,8
Всего	–30,7	+1,7

Источник: рассчитано автором на основе: Труд и занятость в Вологодской области в 2013–2017 годах: стат. сб. Вологда, 2018. С. 32; Труд и занятость в Вологодской области в 2020–2024 годах: стат. сб. Вологда, 2025. С. 34.

специалистов в профессиональной структуре занятого населения возростала, также увеличилась доля молодежи среди специалистов средней квалификации. Согласно «Общероссийскому классификатору занятий» и «Приказу Минтруда России от 12.04.2013 № 148н «Об утверждении уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов»», профессии среднего уровня квалификации требуют квалификации, соответствующей третьему квалификационному уровню⁵. По сути, это работники, в компетенции которых входит выполнение стандартных типовых задач под надзором руководящих работников с элементами самостоятельности и сроком обучения по основным программам профессионального обучения до одного года.

⁵ ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2020-ст) (ред. от 18.02.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953/d0d99e637d14da7641c49bc9a016cdf70b109f1/ (дата обращения: 12.06.2025); Приказ Минтруда России от 12.04.2013 № 148н «Об утверждении уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.05.2013 № 28534). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146970/639aff39639f07ee88afccc0383ce46674bb7458/ (дата обращения: 12.06.2025).

Согласно более ранним исследованиям, молодежь предпочитает работу в творческой и инновационной среде, в профессиональном отношении ориентирована на капитализацию своих навыков через карьерный рост⁶. Поэтому перераспределение молодежи в сторону профессий с рутинными занятиями, не требующими длительного образования, предполагает вопрос, чем это могло быть обусловлено. Возможно, что изменения в структуре групп занятий молодежи в значительной степени обусловлены общими соответствующими изменениями в динамике и структуре экономики региона. В 2017–2024 гг. произошли межотраслевые сдвиги занятой молодежи из традиционно менее хорошо оплачиваемых отраслей (таких как сельское хозяйство и обеспечение электрической энергией) в более доходные сферы. Заметное изменение занятости молодежи произошло также в обрабатывающих производствах (–2,8 %), строительстве (–2,0 %) и сфере обеспечения электрической энергией (–1,1 %). Доля молодежи снижалась в отраслях третичного сектора (операции с недвижимостью, финансами и страхованием, деятельность в

⁶ What's next: future global trends affecting your organization. Evolution of Work and the Worker. (2025). URL: <https://www.aucklandcouncil.govt.nz/plans-projects-policies-reports-by-laws/Documents/shrm-foundation-future-global-trends-evolution-work.pdf> (дата обращения: 12.06.2025).

области культуры, спорта, организации досуга и развлечений, торговля и ремонт) (см. табл. 3). Перераспределение занятой молодежи происходило в сферу государственного управления (+5,6 %), транспорта и хранения (+1,8 %), профессиональной научной и технической деятельности (+1,4 %), деятельности в области информации и связи (+0,3 %), гостиниц, образования (+0,5 %) и здравоохранения (+0,8 %) (табл. 4). Для экономии места полные динамические ряды данных мы не приводим и не анализируем, сосредоточившись на крайних точках выбранного временного интервала (2024 и 2017 гг.).

Доля занятой молодежи в 2024 г. увеличилась в отрасли предоставления прочих видов услуг. Согласно «Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности» (ОКВЭД-2) под данными услугами понимаются специфические услуги, не попадающие в традиционные классификаторы, например, услуги, связанные с организацией и проведением деловых мероприятий, переводом, услуги салонов красоты и по уходу за животными, услуги уборки, ремонта и пошива одежды, различные посреднические услуги. Эти сферы деятельности обычно не предъявляют никаких дополнительных требований к квалификации соискателя. Таким образом, динамика межотраслевой структуры занятой молодежи имеет противоречивые тенденции. С одной стороны, повышается доля молодежи в социальной сфере и тем самым осуществляется ротация кадров в важных секторах хозяйства. В то же время перераспределение молодежи из сферы производства, строительства и сельского хозяйства в сферу транспортировки и хранения может негативно повлиять на способность региона создавать высокотехнологичные предприятия.

В структуре занятости по видам занятий среди зрелого населения также происходил процесс перераспределения занятого населения из традиционно менее доходных сфер сельского хозяйства и энергетики в более доходные сферы (см. табл. 4). Однако можно заметить, что в отличие от молодежного населения, среди зрелого увеличилась занятость в обрабатывающих производствах (+14,6 %), строительстве (+11,5 %), водоснабжении, организации сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений (+9,9 %), а деятельность в области транспортировки и хранения, государственного управления, профессиональной и технической деятельности хоть и приросла, но не в таких пропорциях, как среди молодежи.

Как уже было сказано, в существующей политической и экономической ситуации оказываются востребованными обрабатывающие производства и связанные с ними сектора строительства и транспортировки. Поэтому вполне логично то, что в их сторону смещается отраслевая структура ре-

гиональной занятости и в них достаточно быстрыми темпами увеличиваются заработные платы. Так, в обрабатывающих производствах прирост заработной платы (в сопоставимых к 2024 г. ценах) составил 29,6 %, в профессиональной и технической деятельности – 46,2 %, предоставлении прочих услуг – 21,5 %. В то же время в других отраслях также произошел прирост заработных плат, но занятость в них изменилась несильно или даже уменьшилась (табл. 4). К сожалению, на имеющихся в распоряжении статистических данных нет возможности произвести расчеты по заработной плате у занятой молодежи по данным видам занятий.

Таким образом, внутри занятой молодежи региона наблюдается перераспределение из более технологических отраслей народного хозяйства с высоким приростом заработных плат в отрасли с более низкими квалификационными требованиями. Уменьшение в профессиональной структуре среди молодежи неквалифицированных работников является положительным сигналом, свидетельствующим об общем уменьшении неквалифицированных видов занятости. Но одновременно с этим стало меньше молодых специалистов с высшей квалификацией и руководителей (должность которых предполагает высокий уровень квалификации). За рассмотренный период занятость молодежи не сокращалась, а прирастала среди специалистов со средним уровнем квалификации. Несмотря на объективную потребность экономики страны и Вологодской области (как региона с выраженной индустриальной специализацией) в рабочих, именно работники данной категории рискуют оказаться вытесненными в результате процесса цифровизации и замены искусственным интеллектом.

Заключение

Социально-экономическая ситуация в период 2017–2024 гг. способствовала тому, что рынок труда в РФ и регионах приобрел свойства «рынка труда соискателя», когда работодатели, преимущественно промышленных отраслей, вынуждены идти на уступки соискателям. Однако в ходе исследования выявлено, что спрос на молодых специалистов в Вологодской области рос в отраслях, не связанных с производством. Это может быть связано с тем, что молодые специалисты все еще сталкиваются с существенными барьерами при трудоустройстве. Невысокая эффективность подготовки кадров в высшей школе и недостаток профессиональных компетенций и опыта работы подталкивает молодежь в ранг безработных, либо в отрасли экономики, которые не предъявляют высоких требований к квалификации сотрудников, что приводит к изменениям профессиональной и отраслевой структуры занятости молодежи региона. В условиях реализации новой Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030

Таблица 4

Среднегодовая численность занятой молодежи по отраслям экономической деятельности (по ОКВЭД-2),
% от общей численности занятого населения в отрасли

Вид экономической деятельности	Изменение среднегодовой численности занятых среди молодежи, 2024 к 2017, в %	Изменение среднегодовой численности занятых среди зрелого населения, 2024 к 2017, в %	Изменение среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций 2024 к 2017, в % (в сопоставимых ценах)
1	2	3	4
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	–42,2	–27,0	+62,0
Добыча полезных ископаемых	0,0	–80,0	+35,8
Обрабатывающие производства	–14,6	+14,6	+27,8
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	–52,4	–32,1	+27,4
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,0	+4,9	+32,2
Строительство	–23,8	+11,5	+44,8
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	–5,5	+1,7	+53,5
Транспортировка и хранение	+22,5	+9,9	+34,1
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	+9,4	–1,5	+51,5
Деятельность в области информации и связи	+13,3	–14,8	+75,0
Деятельность финансовая и страховая	–6,3	–1,9	+13,3
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	–50,0	+3,2	+40,5
Деятельность профессиональная, научная и техническая	+58,3	+21,0	+62,2
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	–22,2	–1,4	+17,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	+72,4	+38,3	+17,5
Образование	+7,8	+0,4	+40,9
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	+20,5	–12,1	+47,5

1	2	3	4
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	–37,5	–9,9	+21,5
Предоставление прочих видов услуг	+52,4	–9,9	+32,4

Источник: рассчитано автором на основе: Труд и занятость в Вологодской области в 2013–2017 годах: стат. сб. Вологда, 2018. С. 28; Труд и занятость в Вологодской области в 2020–2024 годах: стат. сб. Вологда, 2025. С. 28.

года с прогнозом до 2036 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р), ориентированной на формирование в стране сбалансированной территориальной организации экономики, на увеличение производства товаров и услуг для внутреннего рынка и на рост добавленной стоимости на основе раскрытия потенциала территорий, необходимо формирование собственных разработок и компетенций. Сделать это возможно на основе более полного использования человеческого капитала молодежи, в настоящий

момент недоиспользуемого. От того, как успешно и оперативно будет решена данная задача, в значительной мере зависит национальная безопасность страны и экономическое благополучие регионов. Особый интерес для развития исследования и детализации практических рекомендаций представляет анализ воспроизводства профессиональной структуры региона, для чего в дальнейшем планируется ввести в анализ данные статистики по подготовке кадров в местных образовательных организациях.

Список литературы

1. Акопян Л.Л. Формирование рынка труда и повышение эффективности использования трудовых ресурсов сельского хозяйства Республики Армении // Современная конкуренция. 2013. № 4 (40). С. 139–143.
2. Ахапкин Н.Ю. Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 7–25. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_7_25
3. Бочаров В.Ю. Климова С.Г., Сизова И.Л. Инновативные ресурсы и траектории российских работников в современных условиях деконверсии сферы труда // Социальное пространство. 2023. Т. 9, № 3. DOI: 10.15838/sa.2023.3.39.5. EDN: EDDZPV.
4. Бухтаяров А.А. Тюткалова А.В. Вукович Г.Г. Новоковский В.А. Региональный рынок труда: особенности функционирования и методика оценки // Современные наукоемкие технологии. 2008. № 6. С. 98–99. EDN: IUJERL.
5. Былков В.Г. Трансформация регионального рынка труда под действием санкций // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32, № 4. С. 732–740. DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(4).732-740. EDN: KOJGFD
6. Горин Е.А. Профессиональное образование и потребности современной российской промышленности // Экономика и управление. 2024. Т. 30, № 3. С. 268–281. DOI: 10.35854/1998-1627-2024-3-268-281. EDN: YGTOBR
7. Гранберг А.Г. Моделирование пространственного развития национальной и мировой экономики: эволюция подходов // Регион: Экономика и Социология. 2007. № 1. С. 87–107. EDN: JJROBJ.
8. Гуськова И.В. Трансформация рынка труда России. Н. Новгород: НИМБ, 2010. 288 с. EDN: RYAPSP.
9. Дружинина Е.С. Трудоустройство выпускников вузов как индикатор соответствия уровня их подготовки потребностям рынка труда // Труд и социальные отношения. 2023. № 6. С. 67–77. DOI: 10.20410/2073-7815-2023-34-6-67-77 EDN: ZUVXEJ
10. Зубаревич Н.В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3(55). С. 226–234. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-15
11. Кашепов А.В. Рынок труда и занятость в России в 2000–2024 гг. // Социально-трудовые исследования. 2024. № 4(57). С. 43–52. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-43-52. EDN: KFGIFM.

12. Леонидова Г.В., Соловьева Т.С., Сидоров М.А. Трансформация отраслевой и квалификационной структуры занятости населения (на примере СЗФО) // Проблемы развития территории. 2025. Т. 29, № 2. С. 105–123. DOI: 10.15838/ptd.2025.2.136.7
13. Лукин Е.В., Ускова Т.В., Кувалин Д.Б. Производственный сектор экономики Северо-Запада России: проблемы адаптации и перспективы функционирования в условиях санкций // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26, № 6. С. 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1. EDN: MSVHPV.
14. Одегов Ю.Г., Павлова В.В. Трансформация труда: 6-й технологический уклад, цифровая экономика и тренды изменения занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 4(206). С. 19–25.
15. Пименова М.Н. Регулирование регионального рынка труда в условиях цифровой трансформации // Вестник науки. 2020. Т. 2, № 6 (27). С. 113–116.
16. Попов А.В., Соловьева Т.С. Особенности и перспективы развития сферы труда и занятости в Вологодской области // Социально-трудовые исследования. 2023. № 4(53). С. 41–53. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-53-4-41-53. EDN: WXDNSG.
17. Рожков В.Д., Костюченко С.Б. Развитие профессиональных компетенций и конкурентоспособности работников промышленных предприятий в условиях цифровой трансформации // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 2343–2362. DOI: 10.18334/epp.15.4.123114
18. Царенко И.В. Анализ состояния развития регионального рынка труда в условиях трансформации экономики (на примере Пермского края) // Исследование проблем экономики и финансов. 2023. № 1. С. 1–10. DOI: 10.31279/2782-6414-2023-1-6-1-14
19. Царенко И.В. Состояние и тенденции развития регионального рынка труда в условиях цифровой трансформации экономики (на примере Пермского края) // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 63–71. DOI: 10.24143/2073-5537-2023-2-63-71
20. Andabayeva G., Movchun V., Dubovik M. et al. Labor market dynamics in developing countries: analysis of employment transformation at the macro-level // J. Innov. Entrep. 2024. Vol. 13. Article number 65. DOI: 10.1186/s13731-024-00417-0
21. Awotunde M.O., Aregbeshola R.A. Intensive training, skill acquisition, and development in South African higher institution // J. Innov. Entrep. 2025. Vol. 14. Article number 52. DOI: 10.1186/s13731-025-00505-9
22. Biney I.K. Adult education and entrepreneurship: getting young adults involved // J. Innov. Entrep. 2023. Vol. 12. Article number 13. DOI: 10.1186/s13731-023-00277-0
23. Buchs H., Helbling L.A. Job opportunities and school-to-work transitions in occupational labour markets. Are occupational change and unskilled employment after vocational education interrelated? // Empirical Res. Voc. Ed. Train. 2016. Vol. 8. Article number 17. DOI: 10.1186/s40461-016-0044-x
24. Gschwendt C. Routine job dynamics in the Swiss labor market // Swiss J. Economics Statistics. 2022. Vol. 158. Article number 24. DOI: 10.1186/s41937-022-00103-6
25. Hossain M.I., Tabash M.I., Siow M.L. et al. Entrepreneurial intentions of Gen Z university students and entrepreneurial constraints in Bangladesh // J. Innov. Entrep. 2023. Vol. 12. Article number 12. DOI: 10.1186/s13731-023-00279-y
26. Pastore F. The European Youth Guarantee: labor market context, conditions and opportunities in Italy // IZA Journal of European Labor Studies. Vol. 4. Article number 11 (2015). DOI: 10.1186/s40174-015-0033-2

References

1. Akopyan L.L. Formation of the labor market and increasing the efficiency of using labor resources in agriculture of the Republic of Armenia. *Sovremennaya konkurentsia* [Modern competition], 2013, no. 4 (40), pp. 139–143. (In Russ.)
2. Akhapi N.Yu. Russian Economy under Sanctions Restrictions: Dynamics and Structural Changes. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2023, no. 6, pp. 7–25. (In Russ.) DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_7_25
3. Bocharov V.Yu. Klimova S.G., Sizova I.L. Innovative Resources and Trajectories of Russian Workers in the Current Conditions of Deconversion of the Labor Sphere. *Sotsial'noe prostranstvo* [Social Space], 2023, vol. 9, no. 3. (In Russ.) DOI: 10.15838/sa.2023.3.39.5. EDN: EDDZPV.
4. Bukhtayarov A.A. Tyutkalova A.V. Vukovich G.G. Novokovskiy V.A. Regional Labor Market: Functioning Features and Assessment Methodology. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern Science-Intensive Technologies], 2008, no. 6, pp. 98–99. (In Russ.) EDN: IUJERL.
5. Bylkov V.G. Transformation of the regional labor market under the influence of sanctions. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Baikal State University], 2022, vol. 32, no. 4, pp. 732–740. (In Russ.) DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(4).732-740. EDN: KOJGFD

6. Gorin E.A. Professional education and the modern appearance of Russian industry. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2024, vol. 30, no. 3, pp. 268-281. (In Russ.) DOI: 10.35854/1998-1627-2024-3-268-281
7. Granberg A.G. Modeling of spatial development of the national and global economy: evolution of approaches. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya* [Region: Economy and Sociology], 2007, no. 1, pp. 87–107. (In Russ.) EDN: JJROBJ.
8. Gus'kova I.V. *Transformatsiya rynka truda Rossii* [Transformation of the Russian Labor Market]. N. Novgorod, 2010. 288 p. EDN: RYAPSP.
9. Druzhinina E.S. Employment of University Graduates as an Indicator of Their Training Level's Correspondence to Labor Market Needs. *Trud i sotsial'nye otnosheniya* [Labor and Social Relations], 2023, no. 6, pp. 67–77. (In Russ.) DOI: 10.20410/2073-7815-2023-34-6-67-77 EDN: ZUVXEJ
10. Zubarevich N.V. Regions of Russia in the New Economic Conditions. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2022, no. 3(55), pp. 226–234. (In Russ.) DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-15
11. Kashepov A.V. Labor Market and Employment in Russia in 2000–2024. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya* [Social and Labor Research], 2024, no. 4(57), pp. 43–52. (In Russ.) DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-43-52. EDN: KFGIFM.
12. Leonidova G.V., Solov'eva T.S., Sidorov M.A. Transformation of the Sectoral and Qualification Structure of Employment (using the Northwestern Federal District as an Example). *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territorial Development], 2025, vol. 29, no. 2, pp. 105–123. (In Russ.) DOI: 10.15838/ptd.2025.2.136.7
13. Lukin E.V., Uskova T.V., Kuvalin D.B. Manufacturing Sector of the Economy of Northwest Russia: Adaptation Problems and Prospects for Functioning under Sanctions. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory Development]. 2022, vol. 26, no. 6, pp. 7–28. (In Russ.) DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1. EDN: MSVHPV.
14. Odegov Yu.G., Pavlova V.V. Transformation of Labor: The 6th Technological Wave, Digital Economy, and Employment Change Trends. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Standard of Living of the Population of Russian Regions], 2017, no. 4(206), pp. 19–25. (In Russ.)
15. Pimenova M.N. Regulation of the regional labor market in the context of digital transformation. *Vestnik nauki* [Science Bulletin], 2020, vol. 2, no. 6 (27), pp. 113–116. (In Russ.)
16. Popov A.V., Solov'eva T.S. Features and prospects for the development of the sphere of labor and employment in the Vologda region. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya* [Social and labor research], 2023, no. 4(53), pp. 41–53. (In Russ.) DOI: 10.34022/2658-3712-2023-53-4-41-53. EDN: WXDNSG.
17. Rozhkov V.D., Kostyuchenko S.B. Development of professional competencies and competitiveness of industrial enterprise employees in the context of digital transformation. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economy, Entrepreneurship and Law], 2025, vol. 15, no. 4, pp. 2343–2362. (In Russ.) DOI: 10.18334/epp.15.4.123114
18. Tsarenko I.V. Analysis of the state of development of the regional labor market in the context of economic transformation (on the example of Perm Krai). *Issledovanie problem ekonomiki i finansov* [Study of problems of economics and finance], 2023, no. 1, pp. 1–10. (In Russ.) DOI: 10.31279/2782-6414-2023-1-6-1-14
19. Tsarenko I.V. State and development trends of the regional labor market in the context of digital transformation of the economy (on the example of Perm Krai) *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: Economics], 2023, no. 2, pp. 63–71. (In Russ.) DOI: 10.24143/2073-5537- 2023-2-63-71
20. Andabayeva G., Movchun V., Dubovik M. et al. Labor market dynamics in developing countries: analysis of employment transformation at the macro-level. *J. Innov. Entrep.*, 2024, vol. 13, article number 65. DOI: 10.1186/s13731-024-00417-0
21. Awotunde M.O., Aregbeshola R.A. Intensive training, skill acquisition, and development in South African higher institution. *J. Innov. Entrep.*, 2025, vol. 14, article number 52. DOI: 10.1186/s13731-025-00505-9
22. Biney I.K. Adult education and entrepreneurship: getting young adults involved. *J. Innov. Entrep.*, 2023, vol. 12, article number 13. DOI: 10.1186/s13731-023-00277-0
23. Buchs H., Helbling L.A. Job opportunities and school-to-work transitions in occupational labour markets. Are occupational change and unskilled employment after vocational education interrelated? *Empirical Res. Voc. Ed. Train.*, 2016, vol. 8, article number 17. DOI: 10.1186/s40461-016-0044-x
24. Gschwendt C. Routine job dynamics in the Swiss labor market. *Swiss J. Economics Statistics*, 2022, vol. 158, article number 24. DOI: 10.1186/s41937-022-00103-6

25. Hossain M.I., Tabash M.I., Siow M.L. et al. Entrepreneurial intentions of Gen Z university students and entrepreneurial constraints in Bangladesh. *J. Innov. Entrep.*, 2023, vol. 12, article number 12. DOI: 10.1186/s13731-023-00279-y

26. Pastore F. The European Youth Guarantee: labor market context, conditions and opportunities in Italy. *IZA Journal of European Labor Studies*, 2015, vol. 4, article number 11. DOI: 10.1186/s40174-015-0033-2

Информация об авторе

Фетюков Александр Васильевич, младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия; s.fet94@rambler.ru

Information about the author

Alexander V. Fetyukov, junior research assistant, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia, s.fet94@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 01.12.2025

The article was submitted 01.12.2025